

Тренинг

Ира лежит, распластавшись на полу, головой в середину зала, пальцы рук едва-едва касаются соседа. На губах застывают шоколадные усы. Это от мороженого, Ира выбрала коричневый стаканчик, когда ведущая сказала - а теперь едим!

Едим мороженое без рук, такое вот задание. Высвобождает внутреннего ребенка, или что-то такое, Ира точно не поняла. Она съела.

Вытираться было нельзя, конечно, руки-то заняты, держат воображаемый портфельчик, куда сложено все взрослое. Про портфельчик в задании не было, это Ира придумала просто так. А потом все улеглись головами в центр, пятками к стенкам, и чистыми пальцами касались друг дружки, если развести руки. Ира не разводила, совершенно ей этого не хотелось.

В зале желтели лампочки и гудело чем-то из-за двери, наверное, радио в дальней комнате. Ира жмурилась, ей трудно давался электрический свет. Сразу стягивало лицо, обливало этим светом как воском, плавило черты. Сносило на кухню в детстве. А на кухне в детстве так навсегда и сидит отец, в яркости лампы сияет бутылка, стакан отвечает плеском, и лицо наливается навстречу его красному бычьему лбу этой особенной маской, мышечной тягой поймать, угадать. Поймать его тон, его настроение, выстроить танец лица под его глаза. Мышечной маской, мышковой маской. Спрятаться в половицы.

Лицо и сейчас стянуто по щекам мороженым шоколадом. Ира раздвинула губы и облизнулась. Ведущая ходила между рядами лежащих тел, говорила: представьте, что вы на озере. Представьте, к кому вы пришли. Представьте, что это вы. Сколько вам лет?

Золотая девочка вдруг вылетела из грудной клетки и прыгнула прямо ввысь. Сколько тебе лет, прошептала Ира.

Мне семь.

В восемь умерла бабушка и все кончилось, шла домой Ира и подсчитывала. В восемь я сидела на старом диване, было жарко, и я была в шортах, и ноги прилипали к кожаному дивану. Было жарко и безнадежно. Я плакала так, словно пала последняя стенка. Защита. В восемь умерла Вера. Так и было, говорит золотая девочка с Ириногo плеча. Так и было, так и было, так и было.

Ира приходит домой, проходит на кухню не разуваясь, ставит чайник и бьет, бьет наотмашь руками по этой лампе, по плафону, по груше желтого света, качалась, та лампа качалась тоже, свет падал мне прямо в лицо, он приближался и отдалялся, лампа качалась, он говорил ты любимая девочка, ты такая же как мама, ты мразь, ты моя надежда, будешь еще так, будешь, девочка моя дорогая, дай обниму. Ира крушит эту лампу, уже на полу, до осколков, с каждым осколком ей размыкает что-то в плечах, там, оказывается, сидело все это время по тяжелой червивой обезьяне, держало за каждую мышцу, держало как вожжи. Рулило Ирой.

Ира не хочет везти.

Мышцы спины очень остро покалывает. Руки все в точечках от кровавых брызг. Золотая девочка медленно укладывается Ире в самую сердцевину.

Библиотека

Если идти через старую железную дорогу у самого дома, потом через мост, потом еще долго по улицам в городе, по растресканному асфальту, вдоль шелковичных деревьев - то откроется дверь.

Дверь в библиотеку, и в другой мир.

В библиотеке тесно. Маленькая она совсем, комнатка в папках бумаг, в солнечной пыли. Полки уставлены скучными серыми книгами.

В середине столы, на столах каталоги в коричневых плашечках, папки с отчетами. На полу пятна солнца. На подоконнике мухи, стекла в потеках высохшего дождя. На столе пепельница.

В нее с ужасом и восторгом курит Лиза. В животе все трепещет, и Лиза думает: я большая.

Лиза шагает сюда в библиотеку каждое утро с теткой Оксаной. Оксана всего-то на тройку лет старше, но годы эти окрашены чем-то жарким. И чем-то темным, и ярким, конечно, и дальше Лиза краснеет. Оксана сказала вчера: ну что тебе эти шорты, висят же на заднице, сама же знаешь, что висят, дай их мне? У Оксаны вольные кудри, и полные губы, и быстрые глаза. Лиза смотрит Оксане в рот, в сердцевину накрашенных, пухлых, сердечком, не отводя глаз. Не признаётся, конечно.

Они шагают в библиотеку, потому что лето, потому что а куда еще Лизе деваться, потому что у кого-то каникулы, а у кого-то работа, а ты думала, а работа - это вот так.
Приходить в пыльную пустоту и садиться за каталоги.

Посетителей тут не бывает. Иногда лишь заходят. Просят томик того, чего нет.
Тут нет много чего. А зато там, на дальней полке с цветными журналами - целый мир.

Мир картинок - нарисованных девочек с буйными волосами, и историй - смешных и не очень, в которых с этими девочками случается что-то удивительное.
И, главное, мир разговоров. На равных.

Мир уважительной интонации, мир внимательного анализа твоих чувств кем-то добрым, подруга. Кем-то, кто за тебя.
Лиза читает и думает: ого. Ого.

Лиза чувствует себя вдруг очень свободной, очень легкой и очень открытой - мир, мир, мир, начинайся. Забирай меня, мир, ты же знаешь, иначе не выйдет.
Листает подшивку за подшивкой, стягивает шорты пониже, чтоб кромка стула не впивалась в белую ляжку. Затекшие ноги, встать бы, размяться. Дым, пыль в золотом свете. Шорох подшивок.

- Покурим?
- Опять ты курить. Ну пойдем.

И они курят, две девчонки, одна постарше, другая помладше, и думают о своем. На коленках одной ссадины, на коленках второй гладкость. Шорты одной висят, шорты второй натянуты на высоких бедрах. Одна скоро уедет обратно домой, в город северней, в город, где с вокзала застегнуть бы на молнию сердце, и где шорты нельзя. Их и дома нельзя там, не стоило бы, нет, не надо. Встретятся обе они уже с детьми, обе - пройдя свои фонды, работа на благотворительность, такая вот дань для тех, кому разговора на равных совсем немного досталось. Через много-много лет. А пока - а сейчас - уже вечер, и желтое солнце тычется в пыльные ставни, и Оксана сворачивает каталоги. И закрывает дверь.

Снова путь домой по южному городу, вдоль шелковичных деревьев, на растресканном асфальте под ними плывут темно-чернильные пятна. Ягоды спелые, ягоды падают. Протяни руку, сорви, если хочешь, но кто ж будет рвать их, кому это надо, только неместный. Лиза рвет понемногу. Путь по пыльной дороге, сперва долго в городе, потом через мост. Он железный, нагрелся за день и гудит под ногами. Солнце красной дорожкой стелется впереди и теряется в облаках. Завтра будет ясно.
Скрип калитки, и каменный двор.

Лизина мама Алена стоит в глубине двора.
Падает слово камешком холода:
- Пришли!
Губы сжаты, руки спрятаны. Глаза щурят в Оксану яд.
- Что, по кавалерам не пройти без ребенка, да? Не терпелось?

Я для бани пошла за дровами, к черту бы письма ее, да еще не хватало следить. А в дровах валялись кусочки, белые лоскутки, ну и - знаю же я ее почерк. Да, взяла. Да, составила. Вы бы тоже составили. А там грязь эта... с Ксаной все можно, Ксана крутая, мы с такими парнями познакомились. Да читала и буду читать! и дневники ее эти. Будь у вас такая, вы бы тоже читали. Я мать. Я должна. Я... какого черта она не со мной.

Лиза лежит, яростно зацарапывая свой блокнот, весь, весь, весь. Никогда никому больше, ничего, ни за что. Письмо так и не отправила, а хотела - подружке Янке, прихвастнуть, сочинить, ну да, так, ну да, мы крутые, ну вот да... И катают нас на мотоцикле, и курю я с теткой, и ведем мы роскошную жизнь. Свободная и сама по себе, и нормально у тетки. А эта... все читает, вынюхивает. Губы в нитку и пошла ковырять. Никогда, ничего. Никому.

Оксана сидит и курит на крыльце. Наконец-то одна. Очень нужно просто побыть одной. Не отражаться ничьим идолом. Ничьим знаменем. Ничьей свободой.
Сигарета еще не докурена, как она решается на побег. Перед тем, как исчезнет, пройдет еще много времени. И третья семейная смерть.

Поезд

Поезд туда. Время радости, время начала лета, время, когда торопишь вагон, чтобы он бежал к черешне, к Днестру, к бабушке, к теплым объятьям.

Поезд обратно - смерть, что говорить. Время в холод, время в унылую правду о себе, о том, кто ты есть, о том, что тут твоего, о том, как тебе жить, кого слушаться, о ком плакать, а плакать придется каждый день. Это время скинуть

парадные одеяния и наконец-то вернуться в засаленный старый халат, в черную тряпку, в унылое платье Золушки, испачканное дерьмом и рвотой. Вернуться в него с облегчением, поскольку ты веришь сама, от души, ты веришь всем сердцем, ты - это платье, ты - для этого платья, ты в него рождена. Из утробы матери, оно по мерке тебе, и она такое носила, и будешь и ты.

Это все поезд, поезд обратно. Но на самом-то деле Оля думает - поезд... Оля не думает. Оля чувствует: поезд - это время нигде. Это время блаженной пустоты между стартом и финишем, время, где ты можешь быть без личности. Время, где ты младенец у мамы в кармашке, заботливой мамы, а ведь она только в поезде и бывала заботливой, вспоминает Ольга уже взрослой, уже очень-очень взрослой, вдруг понимает: да черт же возьми. Только в поезде, только в дороге. Только внешними рамками побуждаемая - или внешними рамками освобожденная? - мама бывала именно мамой. Заботливой, сильной, ведущей. Никак не слабее, не устранив. И точно знающей, что нужно делать. Хотя в общем-то знала, что нужно делать, она всегда, даже позже, когда Оля будет ее, отчаянными попытками подростковости загоняя в гламур - а точнее, к себе поближе, просто в попытке радости, женскости: будет спрашивать - давай я тебя накрашу? Не спрашивать, красить. А спрашивать она будет о другом: что ты, мама, любишь, что тебе, мама, нравится? Ты такая красивая, кажется, да, или нет, я не помню. Мама сказала тогда: леди не носят шорты. Я хочу быть леди. А леди не носят шорты. Маме не нравился этот костюм, спортивный костюм с шортами, и дубленка не нравилась, которая обтягивала попу, а другой уже никогда не купят, понимаешь, никогда не купят, безличное что-то сверху. Управляющее мамой, владеющее мамой. Загоняющее маму на кухню к телевизору поближе, сидеть и слушать, смотреть и вырезать статейки из журналов о книгах и фильмах, которые она никогда не прочтет и никогда не посмотрит. Мама говорила - я никогда не читала Мастера и Маргариту, и Оля, взрослая Оля, живущая в городе, в доме, где снимался по этому роману фильм, Оля думала: да какого же хрена. Да какого же хрена ты не могла прочесть этот чертов роман, почему ты говорила об этом как о зачатке. Но ты не читала ничего, что не появлялось в этой квартире, ты не встречалась ни с кем, кто не входил в эту квартиру, ты схлопнулась, как ракушка, как устрица, ты выбрала путь бегства, запойный путь бегства - куда? в телевизор, в пространство внутри, по ночам. И я знаю этот путь, думает Оля, я знаю этот путь, я сбегая этим путем во френдленту. Оля произносит ночью в пустоту - какого черта ты оставила меня наедине с таким способом жить.

Поезд - время между, блаженное время бегства для Оли. Бегства от них от всех.

И мы едем в поезде, и ничего не существует. Ни этой алкогольной воронки отца, ни этого жерла его, схлопывающегося в ничто, в пустоту, рта, распахнутого зубами, кулака, летящего в лицо. Не существует. Нет.

Существуешь я и ты, существуем мы, и твоя маленькая красная книжечка, которую ты вдруг протягиваешь мне и говоришь: хочешь, я научу тебя рисовать звезды, не отрывая карандаша от бумаги?

И я говорю: конечно, мам, конечно, я хочу, да, я хочу, да.

И мы рисуем, и за окном проносится дорога, и мы едем на север, где снова ждет нас неизбежное для обеих жерло. Совсем позже я спрошу тебя - Оля спросит ее - мама, почему ты не сбежишь? А ему, верная, преданная, влюбленная, задаст тот же вопрос - почему ты не разведешься?

И обоим Оля скажет: я осталась бы с тобой, я люблю тебя, я хочу быть с тобой. И оба будут очень долго шпынять ей за это, под ногти загоняя обидные фразы, ощущение предательства, ощущение преданности. И я буду чувствовать вину, бесконечную вину перед вами обоими. И только будучи очень взрослой, очень-очень взрослой, я пойму, что нет, я не виновата. И одно-единственное желание будет со мной во взрослой жизни. В моей взрослой жизни. Ехать, просто ехать в поезде.

Где звенят подстаканники, где мелькают в окне тени от деревьев и столбов, где гарантированная пустота и тишь.

Быть нигде. Ничему не принадлежать, не строить дома, потому что домов не существует, потому что летний дом, где черешня, где бабушка, где половики вытряхивают каждую уборку, где уборка происходит каждую субботу, где по велению бабушки Дины устраивается жизнь, а бабушка Дина взбивает кудри, и встает на каблуки, надевает красные бусы и красит губы, и шагает острыми туфельками в райсполком. Где все незыблемо, где никто не оборачивается красноголовым вепрем и не таранит тебя насквозь. Где не происходит встречи со зверем, где живут люди, и половички, и дедушки и бабушки, тетки и дяди, племянники, девочки, мальчики, с кем я дружу, где я тоже человек. Как будто.

Летний дом отменяется, ведь по-настоящему - только дома.

Они же просто не знают, что я кусок мяса, что я ворота для тарана, что я болванка для его гнева. Что я его идеальная девочка, что я его тварь вся в мать, что я его. Что я кукла. Что я функция. Ах ты девочка, иди сюда, я так скучаю, а у твоей мамы вечно болит голова, а к любовнице я никак не успеваю, ну иди сюда, моя малышка. Ведь никто же не знает, что я - вот это. И каждое лето я могу просто быть с людьми. Как живая.

Едем. Едем в поезде. Едем на север. Едем домой.

Платье

Платье белое, платье в обтяжку, платье с лямками, перекрещивающимися на спине, перехлестанными крест-накрест. Платье простенькое, трикотаж стрейч. Берите, недорого отдам. В платье девушка.

По-парусиному белая ткань обтягивает ее наивные бедра, косточки выпирают, косточки Венеры, это так называется, она слышала, она читала. Грудь без лифчика вздыбилась припухшими кончиками, наверхиями невеликих гор. Девушке четырнадцать. Хлещет от нее волнами. То испуг, то вызов, то струящееся по крови удовольствие. Щекотный адреналин.

Первые месячные были совсем недавно. Тоненькая, стоит она белым флагом, на высокой скамье, посреди вещевого рынка, поджав ноги босые, стоит на газетке, примерка белого платья, белого как снег на горах через реку, там, где она никогда не была.

Стоит на постаменте, как стояли рабыни на невольничьем рынке за тысячи лет до девочкиной жизни и при этом совсем близко, в девочкиных любимых книгах о Греции да о Риме. Девочка выпячивает грудь. А сколько бы стояла я, думает сладкую мысль.

Пирожки, пирожки горячие, чай, кофе, говорит протяжно торговка.

Это вылазки по субботам, раз в сезон или два, когда "надо". Ну "надо". Сапоги, куртку кожаную с подкладкой, пуховик с капюшоном, надо перчатки не козам, смотри, проверь, пощупай. Надо сумку, портфель надо в школу ходить, надо колготок побольше, рвутся. Легко рвутся. А ты носи аккуратней. Летай не касаясь пола. Возносись.

А еще вот смотри - на лето. Белое платье.

Папа сказал - примерь, мама отвернулась и ушла вдоль рядов. Девочка ежится, поджимает на картонке пальцы ног. Пальцы упираются в обрыв скамейки. На картонке стоят смиренно, поочередно половина граждан этого города. Поколениями выбирают себе, в чем жить. А другая половина стоит по ту сторону прилавка, придерживая ладонью сквозь брюки бумажник.

А то: тут поди не держи. Украдут.

Девочке остро хочется это платье. Она о нем даже особо и не думала. Пока не поймала мамин неодобрительный взгляд. Мама сказала: "куда ей! устроили". Но они продолжали.

Девочка не спустилась вниз даже на это шипение, особенно на это шипение. Ей нравилось дразнить. Ей нравилось побеждать. Ей совсем не понравится победить, но об этом она узнает только через полгода.

А тогда побеждать значило женскость, я лучше, думала она. Я красивей, не дай Бог я буду такой как ты. Я похожа на тебя? Спрашивала она то у мамы, то у зеркала. Мама обидчиво выдыхала: ну конечно! что, лучше в отца? Девочка не говорила, но думала: лучше!

Лучше.

Ты же жирная корова, ты же тварь, ты же дура тупая, села дома, где та девочка звонкая, я женился на ней за смех, где он, смех этот, а?

Ты что как мама, ронял он презрительно, наливаясь вечерней яростью. Нет, нет, я не как она.

Небудькакмама, в одно слово, как заклинание.

Ловить его всем сердцем. Впечатывать в тело.

Скука, липкость, отвращение, разочарованность и бросание, конечно. Не будь как она, не говори мне нет.

Никогда не говори нет, тебе это запрещено.

Иначе бросят тебя, и найдут тебе замену.

Она видела эту замену. Взрослое слово любовница. Острая, быстрая, со стрижечкой. Деловая. Умела считать.

Бухгалтером на фирме.

Девочка тянулась к ней. О, еще бы! Такая красивая. Настоящая, женская женщина. И ее любят. Такой можно быть.

У них были одинаковые духи - ненарочно. Совпало.

Позже женская женщина скажет ей: не провоцируй.

Когда она захлебываясь, задыхаясь насмелится только ей, единственной на долгие годы вперед - рассказать о вязком - и услышит: не провоцируй.

Не ходи перед ним откровенно одетой. Ну а что.

Вязкий язык, обмирает во рту, и колотится в голове тяжелой мыслью: а вдруг я сама. Я сама виновата.

Не надо было:

- одерживать верх над драконом. Над тигром. Над буйволом. Бычьей плясуньей идти по краю рогов, танцевать свой победный танец, думать: от меня все зависит. Я рулю.

И когда однажды ночью он потянет ее платье наверх, когда он скажет: девочка моя, в целом мире никто так не будет любить тебя, как я, у твоей мамы всегда голова болит, а к любовнице я не успеваю, мне надо, мне же надо, ну - ее тело откликнется, а душа покроется коркой непробиваемого льда на несколько лет.

Едва набухшие груди щекотно колет седыми усами. Соски твердеют, и больше не остается ничего.

Танцуй, только танец этот не про победу. И тело разрывается пополам бычьим рогом прямо по линии груди, и ты решаешь: это я виновата. Я не вырулила. Я рулила совсем не туда.

Я заслужила.

Эта мысль укрепляется и падает вниз, расцветая букетом, бутоном. Подминая под себя навсегда и игру, и вызов.

Только так с тобой и можно. Ты виновата. Ты на это и годишься только, тело на замену. Подстилка, альтернатива. Ты не ценна, ты нет никто.

И корка льда сомкнется над головой. Отгораживая от мира.

Выводя ночью на дорогу в черной сорочке, поднимать руку, ловить машины, говорить: мне все равно куда.

Мне действительно все равно.

Окно

Новая комната, мебель расставлена, ваза с цветами. В углу, стеклянная. С искусственными цветами.

Оле не нравится.

Нет, все хорошо и чудесно, и комната! своя! в которой закрывается дверь!

Конечно, все замки и закрывания будут игнорироваться. Стук в дверь - когда все хорошо. Когда все плохо - нет такой привилегии. Дверь раскрывается пинком, на стене будет вмятина, если бы не стоппер, но он в ковролине там есть, встроен.

Оля говорит - еще веря, что теперь все будет иначе и свободней, а вот эти цветы, мне не нравятся они.

Ты тут никто. Твое место ноль. Здесь нет ничего твоего, ты не смеешь их переставлять.

Нет и все.

И она смотрит на эти искусственные цветы все следующие годы, и потом, и когда наконец обнаруживает себя в совсем другой - которой по счету съемной квартире - и знает, что ничего не смеет изменить здесь, лето и жарко, но окна заклеены на зиму, ты не смеешь, ты не можешь, ты не дотронешься ни до чего, я не могу, это не мое, в мире нет ничего моего.

В мире нет ничего моего, вдруг слышит эти слова Оля, видит себя, всю в поту, жарко, лето действительно жарким выдалось в тот раз.

И она раздирает это чертово окно, сперва слой скотча, потом слой ваты, слой за слоем, не жалея ногтей, я хочу дышать.

Я хочу дышать.

И отмыть сверху донизу всю эту квартиру, съемную дыру, в которой я не смела менять ничего, нет стола? окей, ведь у меня нет права на стол, кто я такая. Я готовила на коленях. И ела так же.

И хранила вещи на полу.

Но нет. В один день Оля едет в икею и покупает все.

И собирает до самого утра эту чертову мебель, сама, сама!!

К утру ее комната преображена, а на руках мозоли, а в душе счастье и звенящая нота свободы.

К утру ее двадцати семи лет.

Через полгода начинается совсем другой город. В который она едет легко - не бежит, а просто переезжает. Впервые.

Труба

Заводская труба. Это Ася видит, просыпаясь, каждое утро. Малиновый кусок неба рассечен вертикально кирпичной кладкой. Ее тело как будто бы тоже малиновое, как булка с корицей и просвечивающими ягодами внутри, полное, розово налившееся, карие глаза и темные волосы сверху, присыпкой. Она с удивлением разглядывает его по утрам - вот. Вот, я. Ягоды с молоком. Можно есть самой, не делиться.

Это самая первая из ее квартир. Через пару недель все закончится, но Ася еще об этом не знает. Не знает, что и здесь - в самом сердце счастливой своей работы, радостного своего - я не идиотка, я могу! у меня получается! - карьерного

взлета почувствует: нет. Ну не может так быть. Отпусти руки, Ася, какого черта, вдруг становится скучно, пусто, никак.

Это много лет спустя она будет знать все по названиям. Адреналиновый цикл, ну конечно. А тогда просто очень будет хотеться - исчезнуть. Свернуться, упрятаться в раковину, остаться дома, не проявляться в мир. Слишком страшно, что слишком долго все было так хорошо и не рассыпалось. Ведь не может все быть так, думает Ася. Ведь это же не про меня. Ведь я же тупая скотина, дерьмо, самозванка, да не может быть все хорошо у меня.

Ася перестает ходить на работу. Просто не отвечает на звонки. Сбрасывает линии. Путает следы, уходит на дно. Как зверье от погони. Ася сама себе охотник. Она под прицелом. Двадцать четыре часа в сутки, но этого она еще не знает.

Просто чувствует: что-то не так.

Дальше Ася живет ночью, график сна радостно прыгает следом, сбивается с курса. Днем - переспать, переждать в берлоге, перепрятаться от людей. Ночью Ася идет на добычу. Деньги кончатся через две недели, вечность спустя, а сегодня: азарт выживания.

Асю шарашит привычный адреналин. Вот теперь все в порядке. Все хорошо, все правильно, все как и должно быть у Аси. Нервно, и только сейчас, а завтра никогда не настанет. Можно о нем и не думать даже, какая ведь разница.

Чтобы выжить, делай вот так:

Выходи ночью. Телефон вообще не проверяй даже, не трогай, пусть звонит днем себе на беззвучном. Тебя нет.

Тьма твой союзник, прикроет. Выходи на охоту.

К киоскам и остановкам - там кучкуются пьяные, но эти пораньше, а ты не то чтобы ночью, ты почти на рассвете.

Подошла? отлично, опускайся на корточки. Ниже, ниже. И пошарь по земле. Глазами, руки потом. Видишь? - монетки.

9.40 это на хлеб, большой серый круг "Дарницкого", а если найдется еще полтора - тебе хватит на гречку. Гречки хватит надолго. Ищи давай, чего встала. Пьяные роняют по ночам, выворачивая карманы, ища бумажники и ключи, покупая добавки, зыбкими руками выпуская свое, как семена; они хотят разбрызгаться в целый мир. Ты идешь по следам. Собираешь.

Ты отлично знаешь, как ведут себя пьяные. И ты ими кормишься. Ты всегда кормилась от одного, а теперь от нескольких.

Хватит тебе ненадолго.

-----вставкой-----

Это не художественная проза. Это публицистика, а значит можно и так. Я пишу через я, как гребаный доктор с вакциной, проверено на себе. Оспа развивается так. От нее умирают.

Смотрите, смотрите.

Сцена, кулисы, стоит стул. Вышла на сцену, сняла одежду, сложила на стул. Обработала живот хлоргексидином. Взяла скальпель, разрежала. Вот, смотрите, вот, тут пульсирует, видите?

Вот так устроен живот.

Зашивать уже за кулисами. Записывать: становится хуже, начался жар.

Возможен летальный исход. Остальные симптомы:

Что я пишу эту книгу в новогодние каникулы, вместо праздника и отдыха, радости и встреч, выкроив время от семьи и работы, чтобы сбегать в больное.

Что любое хождение в эту яму дает откат, отзывается болью, и я пишу ее, уговаривая себя, через тошноту и страх, через нежелание спускаться, за чертовой этой крупной рыбой нырять в черноту - потому что любой ход в больное приносит ожоги и шрамы, это нырки в кислоту, а не в воду. Я пишу ее, потому что ну вот как совпало, у меня есть этот опыт, и у меня есть способность его осознать, и у меня есть голос, который в общем-то слышим, есть навыки говорить. И я конечно должна говорить, как иначе?

Что я раздеваюсь в ней, книжке, всем стыдным и страшным, всем черным и грязным, я стою в ней трусами наружу, наплевав на то, как это холодно и больно, чтобы кто-то с таким же прошлым смог утешиться тоже - "я не ненормальный, это нормальные реакции на ненормальное, это просто симптом".

И еще кто-то чтобы смог остановиться - и никогда не совершать над другим подобного зла. Зная, прочувствовав - что это дает в адский подарок. Как бежит радиацией на десятилетия вперед, отражаясь во всем, корежа жизнь.

Я вкладываюсь всем, чем имею, собой. Возможно, вера в возможность этого убеждения, в самую его опцию - это тоже симптом. Я выбираю думать, что это моя воля, и моя основа.

Я пишу через я - потому что это ключ. К человеческому в каждом из нас. А не из желания "поделиться чувствами".

Я свой инструмент письма. Вот и все. А чувства мои неважны, не имеют значения, недостойны занять свое место на полке.

- И я понимаю, что это тоже симптом.

Что откат главный самый - я не знаю кто я, и хочу ли я говорить, или я просто чувствую снова себя обязанной высказаться, потому что _ну ты же можешь_, а значит _ну ты же должна_. Дети получают карту мира от взрослых, а мой мир нарисован двойными чертами. Ты самая любимая и ты овца тупая, ты функция для его эго, ты поймешь это много позже, а растешь ты без знания о себе. И в моменты отката, в свои клевые тридцать шесть ты летишь туда же. В ту же бездну зеркал, в каждом из которых отражается что-то чужое, не ты. А тебя нет. Ты себя никогда и не видела. Воссоздание идет прямо сейчас.

Если бы он вообще никогда не видел меня - было бы проще. Если бы он видел меня в какой-то одной точке - было бы проще. Но он видел меня на полюсах своего собственного ада, и еще - иногда - сквозь всю хмарь ада и водки и своих выборов - куском души. И написать эту книгу - лишиться и этого куска, лишиться отца окончательно.

Признать, что его, той крошки, которую он мог дать по-настоящему - не было достаточно, никогда не будет достаточно. Скормить его обратно. Мне непросто.

И я вспоминаю:

Что почти ничего не помню, память стирает болевое, такая особенность человека, но тело хранит и живет его снова и снова. Но памяти нет, мои годы как будто стерты.

Что я не владею своей сексуальностью, черт, давайте без словарей. Что стоит мне завестись, как меня выкидывает из тела. В эти свои бесконечные тридцать шесть я впервые смогла кончить без расщепления, без картинки о себе внутри о насилии и принуждении. Пока только сама с собой, с другим человеком я по-прежнему не имею права чувствовать, думать, хотеть, соблазнять, желать, прикасаться.

Я имею право довести -
и быть любимой.
Быть очень любимой.
Быть самой любимой.
И улыбаться.

Я не владею памятью. Знанием о себе. Телом.

Но черт возьми, я владею волей.

Что осколки - ранение глубоко, они бродят годами и десятилетиями под поверхностью кожи и иногда прорывают ее - и тогда я по прорванным точкам соединяю шрамы, тогда я вижу наконец, кто я есть.
И я составляю свою карту.